

Имя малыша из города Лукоянова знакомо читателям газеты «Здравствуйте, люди!». В минувшем году мы рассказывали о судьбе младшего сына монтера пути Ивана Егорова - участника боевых действий в Чечне. Весной 2012 года ребенку – тоже Ивану – был поставлен диагноз «острый миеломоноцитарный лейкоз».

Со дня постановки диагноза прошло два года. Как дела у маленького Вани? Корреспондент газеты вновь встретилась с семьей Егоровых. Кумир социальных сетей, Ваня оказался веселым и крепким малышом. С удовольствием позировал перед фотокамерой, с аппетитом уплетал сладости со стола, с любопытством прислушивался к разговору взрослых. Но то, что пришлось пережить ему и его близким достойно обещает внимания.

Спасибо, люди!

Трехлетний Ваня Егоров, на спасение которого собирала деньги вся Россия, сейчас уже бодр и крепок

Это всё комарики

Напомним читателям, как было дело. Вечером Ванечку укусили комары. Малыша с припухлостью от укуса мама решила показать участковому педиатру. Врач тогда покачала головой: слишком яркая реакция, надо давать противоаллергические препараты. А поскольку ребенку не было еще и двух лет, педиатр предложила делать это в условиях стационара. Взрослые легко согласились: «Какие проблемы! Больница в двух шагах от дома».

Первый же забор крови у Вани показал чудовищное число лейкоцитов. Онкологический диагноз прозвучал как выстрел. Мальчику нужна была пересадка костного мозга.

Врачи онкологического отделения Нижегородской областной детской клинической больницы сделали все, чтобы подготовить мальчика к операции.

Однако для оперативного вмешательства с последующей реабилитацией за границей, на которую надеялись родители, потребовалась сумма почти в десять миллионов рублей. Егоровы решили обратиться с просьбой помочь собрать ее к знакомым и незнакомым людям.

Более двух миллионов собрали сослуживцы Ивана-старшего – работники Горьковской железной дороги. Большую часть остальных средств собрали через Интернет. Наберите сегодня в любой поисковой системе «Ваня Егоров», и на экране появятся десятки ссылок и сотни фотографий.

В сети друзей

Люди из разных городов перечисляли деньги на операцию на специально открытые семей Егоровых счета. За здоровьем Вани следили тысячи людей. Маму лю просили выкладывать в сеть максимально подробную информацию о состоянии мальчика. Она старалась это делать каждые сутки.

«Сегодня был очень тяжелый день. С 6 утра начали капать тромбоциты. Нам уже два дня не могут поставить центральный катетер. У Вани очень низкий

уровень тромбоцитов, это может привести к кровотечению. После очередной серии анализов нам сказали, что можно собираться в операционный блок – на установку катетера. Ее делали Ване под наркозом. Ребенок очень тяжело отходил от наркоза, была жуткая истерика, пришлось вводить успокоительные».

«Начался «блок» – это 8 дней интенсивной химиотерапии. Пока Ваня переносит его нормально – спит. Тем не менее у ребенка жидкий стул: уже четвертые сутки ходит от 20 до 40 раз за день – состояние усугубляется еще и этим».

«Дорогие участники группы! Обращаемся к вам от имени ли – мамы Ванечки. Новости не самые приятные. У ли поднялась температура. Несмотря на то, что сегодня она чувствует себя лучше, ее изолировали от ребенка. За мальчиком пока ухаживает бабушка. Держим кулачки за лю – она очень нужна сыну!».

«Наконец-то я со своим малышом! Настроение у него, конечно, поднялось. Был обход, врач сказал: все стабилизируется. Рассчитывали, что будет хуже. Всем огромное спасибо за поддержку, это очень помогает!».

«Ну вот пришли долгожданные результаты анализов, посланных в Москву. Для нас они не плохие: транслокаций не обнаружено. А это значит, что есть шанс войти в группу с благоприятным исходом. Только тот, кто знает смысл этих слов: «группа с благоприятным исходом», поймет, как я счастлива!».

«Скоро начнется восстановление костного мозга: после химиотерапии показатели числа эритроцитов и тромбоцитов на нуле. Поэтому придется пережить переливания, количество которых пока не известно. Ванюше сейчас очень тяжело, он часто вспоминает дом, спрашивает папу и брата Колю. Молюсь, чтобы пункция показала форму М4 с эозинофилией, тогда у нас будут шансы на жизнь».

«Из палаты выпускают только в душ, тогда и капельницу снимают ненадолго. Однако самое тяжелое – это вливать малышу в ротик таблетки: помимо круглосуточных капельниц нам

три раза в день приносят кучу таблеток. Мне нужно любым способом в него это затолкать. Зрелище ужасное! И у меня, и у ребенка процесс отбирает много сил».

«Отвечаю на вопросы, которые многие люди стали задавать в сети. 1. Мы еще не за границей, у нас нет необходимой суммы, а без денег нас там лечить не будут. 2. Никто не выделял нам миллион, слухи о миллионе – неправда. Все отчеты по собранным средствам – на сайте. 3. Я не падала в обморок ни разу! Да, тяжело психологически и физически. Но я держусь и до истерик не дойду – ради здоровья сына. Хотя скажу честно: бываю, и злюсь, и плачу, и страстно Бога молю о милости».

Было и недостойное. Звонили мошенники: «Я папа Вани Егорова, положите мне денег на телефон!». Участники интернет-группы рассказывали, что в сетях клонируют сайт Вани: подают ту же фотографию, тот же текст, а реквизиты для перечисления денег указывают другие.

Отпусти, ступенька!

После второго курса химиотерапии малыша отпустили домой повидаться с родными. Повидаться с родными – это так говорится, официальная формулировка. Ему и сегодня-то, кроме мамы, вряд ли кто нужен. Реально же из больницы Ивана тогда отпустили, чтобы родные посмотрели на него самого. Может быть, в последний раз.

– Личико бледное, голова – как голый мячик, – бабушка Вера Сергеевна не могла сдержать рыданий, когда рассказывала об этом корреспонденту. – Уезжал веселый крепкий бутуз, который уже на шведскую стенку забирался под самый потолок. А приехал измученный страданиями человечек со взрослыми глазами. На стенку-лестницу было ступил, а спуститься со ступени уже сил нет – так и замер в ожидании помощи.

В доме ни бабушке, ни другим родственникам общаться с ребенком не разрешили. Все, кто приехал, на десять минут собрался в саду. Кого-то малыш узнал, кому-то просто слабо

улыбнулся из-за широкой медицинской маски.

Взрослые тоже были в масках, но старались даже дышать в другую сторону. После курсов химиотерапии иммунитет у человека настолько снижен, что к трагическому концу может привести простой насморк.

Когда крошку увели, в саду несколько минут никто не мог сказать ни слова. И мужчины, и женщины плакали.

– Счастье мое длилось так недолго, – тихо продолжала рассказ бабушка Вера. – Только только показалось мне, что все долги розданы, как в дом опять пришло испытание. Мне непросто досталось здоровье собственного сына – Ванюшиного отца. Но мы преодолели все симптомы и диагнозы и вырастили крепкого, стойкого мужчину, отважного защитника близких и родной Отчизны.

В самом деле, в армию Ивана Егорова-старшего взяли с отметкой «отменно здоров». И в восемнадцать с половиной лет он оказался в спецподразделении разведки в чеченском Ачхой-Мартане. Две полугодовые командировки отслужил рядовой Егоров в лесах и горах Чечни: с мая по октябрь 2004 и 2005 годов. Едва выкарабкался на свет после геморрагической лихорадки. Родители узнали об этом только после демобилизации, разглядывая драгоценные благодарности командиров.

Полжизни –

в больничной палате

В стационарах разных клиник и Ваня Егоровы провели в общей сложности более полутора лет. Из лукояновской больницы в мае 2012 года их перевели в Нижегородскую детскую областную больницу, а оттуда в сентябре они улетели самолетом на пересадку костного мозга в Израиль.

В судьбе Вани приняли участие и волонтеры.

В аэропорту по прибытии к месту операции маму и малыша встретила семейная пара эмигрантов советского времени – муж и жена увидели информацию о Ване Егорове там же, в социальных сетях. Весь 2013 год эта семья постоянно сопровождала Егоровых в их перемещениях до клиники и обратно, предоставляла им свою квартиру и транспорт, позволяя сэкономить на жилье и переездах.

В Израиле малышу сделали последний перед операцией четвертый блок химиотерапии. Девять самых тяжелых для Вани недель рядом с женой и ребенком жил папа – в доме тех самых эмигрантов. Целый месяц здесь же находился и старший сын: пятилетний Николай стал донором необходимых для пересадки клеток.

– В 10 часов старшему Коленьке поставили катеторы в обе руки, в 10.30 начался процесс забора донорских клеток для младшего брата, – вспоминала лия. – Коля очень хорошо и спокойно его перенес. Все происходило в течение четырех часов, в это время мы смотрели мультики. В 18 часов принесли пакет с собранным материалом нам в палату. Предварительно Ване дали лекарство от высокой температуры и снотворное. Сама пересадка длилась недолго. Коля, увидев пакет со своей кровью, кричал: «Ура, Ванюшка будет жить с нами!».

«Слез сдержать было невозможно, – писала лия Егорова на своем сайте. – Конечно, окончательное «ура!» можно будет сказать через несколько недель – только тогда станет известно, прижились ли клетки. Сейчас наступает самый ответственный этап, самый тяжелый и в то же время приятный. Будем наблюдать, как Ванюшка выздоравливает. В этот период, даже когда ему будет нехорошо (а так, увы, будет), мы сможем увидеть:

организм борется за то, чтобы стать здоровым. Нам еще много придется пережить, но главное уже сделано. Завтра последняя химия, очень маленькая доза. Дорогие наши! Все, кто принял участие в спасении сына! Спасибо вам за возможность лечиться в этой клинике. Мы вас очень любим!»

Делясь подробностями тех дней, лия говорит, что сэкономить деньги им помог и сам Ваня. В отличие от других детей его послеоперационная реабилитация не потребовала реанимационных процедур. Кроме того, родителям удалось убедить его от инфекций и вирусов, которые усложняют и отодвигают выздоровление.

Молчали в тряпочку

Впервые малышу и маме решили ненадолго покинуть больничную палату в апреле 2013 года. Всего же в минувшем году маме и Ивану дали три «отпуска» на родину. В новый год отпустили домой аж на два с половиной месяца.

В течение всех «отпусков» мальчик постоянно сдает кровь, находится под контролем эндокринолога, невропатолога, педиатра.

По возвращении в клиническое отделение он проходит полное обследование – эта процедура будет регулярной в течение ближайших трех лет. Через пять лет диагноз и инвалидность снимут, Ваня перейдет в категорию «полностью выздоровевший».

ля сказала несколько слов и о том, как живут пациенты израильской клиники, где все это время лечился мальчик.

– Сама клиника Шабя огромная, детское отделение там стоит обособленно. Это целый квартал, по территории которого ходит автобус. Родители же снимают номера в гостинице. Ваня в клинике дружил со всеми: он экстрасверт, ему нравятся всякие обнимашки-целовашки. Другие дети кукаются, что-то им не нравится. А он каждый рассвет встречает как подарок. Весь светится. У него всегда все хорошо. Сразу улыбается любой погоде: «Доброе утро».

Правда, лия рассказывала и о другом периоде. Примерно через неделю после начала процедур химиотерапии у полуторагодовалого малыша даже взгляд поменялся: в нем появились растерянность и страх.

К этому времени он уже начал говорить. И вот все вокруг поменялось: все люди вдруг закрыли от него лица. Мама тоже надела маску. Маленький человек воспринял это по-своему, он сделал вывод: раз ротик закрыли тряпочками, значит, велят молчать.

ля никак не могла понять, почему сынок вдруг стал общаться с ней только знаками? Заполношилось было: нет ли проблем со слухом и речью? Нет, Ваня слышал ее и подавал голос. Почему же замолчал? Фраза «Ротика не видно» объяснила все. Мама начала подолгу петь сыну песенки. Он снова стал потихоньку разговариваться.

Однако интервью у Ивана взять так и не удалось.

– Сколько же Ванечке лет? – задала я вопрос, обращаясь к мальчику, внимательно разглядывающему репортерский диктофон в моей руке.

Он спрятался за мамину спину и показал оттуда три пальчика. Потом передумал стесняться и выставил на стул игрушечную машину: давай играть!

Ребенок как ребенок. Чуть более внимательный и серьезный, чем большинство детей его возраста. Дай Бог ему здоровья на долгие годы!

Лариса БУГРОВА,
наш спецкорр